

ББК 63.521(=634)

Е.А. Бельгибаев, В.А. Бурнаков

Экофильные традиции в культуре коренного тюркоязычного населения юга Сибири*

E.A. Belgibaev, V.A. Burnakov

Ecological Traditions in the Culture of Native Turkic People of the South Siberia

Дается характеристика современного положения традиционной культуры коренного тюркоязычного населения юга Сибири в сфере природопользования. Установлено, что вплоть до настоящего времени оно связано с древними, но уже явно редуцированными религиозно-мифологическими представлениями, однако потенциал традиционной экологической культуры достаточно велик.

Ключевые слова: экологическая культура, природопользование, религиозно-мифологические представления, экофильные традиции, природа, промысловая этика, хакасы, шорцы, челканцы, тубалары.

В последнее десятилетие в общественном сознании природоохранные проблемы вышли на одно из первых мест. Все чаще можно услышать уже прочно вошедшие в наш лексикон фразы: «рациональное природопользование», «природоохранная территория», «экологическое мышление» и т.д. Некоторые полагают, что природоохранные идеи – веяние современности, когда человек начал активно охранять еще не подавленные антропогенному давлению территории и заповедовать объекты природы. На самом же деле это не совсем так. Экофильные традиции уходят своими корнями в далекое прошлое и насчитывают не одно столетие. Природопользование тюркоязычных групп населения юга Сибири до сих пор связано с древними религиозно-мифологическими представлениями, в том числе и с культом гор, который был проанализирован и детально описан отечественными исследователями [1–3].

В настоящей работе предпринята попытка определить место и роль экологических и религиозно-мифологических представлений тюркоязычного населения юга Сибири в условиях формирующихся новых тенденций развития природопользования в сельской местности. В качестве источниковой базы взят полевой этнографический материал, который был получен

In the article there is a characteristic of current state of traditional culture of native Turkic people in the South Siberia in the sphere of nature management.

It is established that up to the present moment it was connected with ancient, but already reduced religious-mythological ideas. Despite of it the potential of traditional ecological culture is still great.

Key words: ecological culture, nature management, religious-mythological ideas, ecological traditions, nature, commercial ethic, Khakas, Shors, Chelkans, Tubalar.

авторами данной работы в последнее десятилетие в местах традиционного расселения хакасов, шорцев и северных алтайцев (этнические челканцы и тубалары).

В последние годы заметна тенденция все большего проявления интереса к экологической культуре коренных народов России. Повышенное внимание к этой проблеме обусловлено еще и с точки зрения использования ее потенциала при формировании качественно новой структуры природопользования в сельской местности и обеспечения социально-экономической стабильности населения. В этом плане, пожалуй, одним из знаменательных событий последних лет было издание информационно-методического справочника «Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона» [4]. Появление этого труда осуществилось благодаря финансовой поддержке Организации Объединенных Наций. Справочник был ориентирован не только на научные круги, но и может выступать в качестве просветительского издания для представителей национально-культурных объединений.

В данной статье мы не станем анализировать этнографические работы, посвященные традиционным культурам хакасов, шорцев и северных алтайцев, где содержатся обширные сведения о традициях природо-

* Работа выполнена в рамках проектов: №IX.81.3.3. «Коренные народы Сибири и Арктики. Оценка человеческого потенциала: этнодемографический, этносоциальный и этнокультурный аспекты» и ГК №14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

пользования, этноэкологии и связанные с ними религиозно-мифологические представления. Они хорошо известны специалистам. Однако стоит отметить, что в советский период истории России в силу объективных причин ситуация существенно изменилась. Традиционная экологическая культура ныне носит явно редуцированный характер. В основном ее носителями являются представители старшего поколения. Более того, отчасти произошла деформация экологических представлений. В частности, нам приходилось наблюдать ситуацию, когда отдельные представители местного населения (челканцы, тубалары), резко осуждая браконьерство, тем не менее в силу определенных причин сами прибегали к нарушению природоохранного закона. В условиях социально-экономического неблагополучия отдельных семей и усиливающейся конкуренции со стороны представителей городской культуры происходит серьезная антропогенная нагрузка на экосистему традиционного природопользования. Так, в среде старшего поколения шорцев и тубаларов отмечено недовольство сбором ягоды специальными совками, которыми обрывается не только вся ягода, но и листья, сучки, а иногда и корни, что, по их мнению, угрожает будущему урожаю. Ранее все они собирали ягоду осторожно, оставляли на кусте по две-три штуки. Здесь имел место общий для всех закон: брать у тайги столько, сколько необходимо семье.

В настоящее время, несмотря на трансформационные процессы, можно встретить представления о сакральной связи человека и природы, о взаимодействии с духами. Об этом мы уже писали в одной из наших работ [5]. Так, у шорцев отмечена вера в то, что у каждого человека в тайге есть свое дерево. Считалось, что в случае его гибели умирал и сам человек. Подобное объяснение бытовало и при случившейся трагической гибели молодых людей, когда в ходе урагана в тайге были повалены десятки деревьев.

Гармоничное сосуществование человека и природы ярко проявляется в отношениях «взаимопомощи» и «взаимодействия» между ними. Человек антропоморфизует природу, уподобляет ее себе, мыслит о ней в тех же категориях, что и о других людях. Согласно традиционным представлениям хакасов, «*таг кизилери*» (горные духи) обликом похожи на людей. В народных воззрениях, по одним сведениям, они описываются как очень красивые, светлые, рыжеволосые мужчины и женщины. По другим – как темные и даже коричневые. В связи с этим В.Я. Бутанаев отмечает: «Горные духи имели, якобы родство (*нир тамырлыг* – букв. единого корня) с хонгорцами (хакасами. – Е.Б., Б.В.). Как гласят мифы, далекий пращур женился на дочери хана горных хозяев, от брака которых и происходят коренные жители Хонгорая (Хакасии. – Е.Б., Б.В.). В результате чего хонгорцы считают себя рожденными от гор (*тагдың төрен*), горным народом (*таглыг чон*), с горной душой (*таг*

омайлыг) или горами сотворенными (*тагдишнаң-сугдишнаң чайынныг*). При обращении к горным духам последних торжественно называют «агалар», т.е. предки» [6, с. 31]. Во многом похожие представления имели место у челканцев и тубаларов, где выделяются такие мифические горно-таежные существа как «алвун» (тубалары) или «албан» (челканцы). Их образ также антропоморфен. Этих духов представляли в виде красивых девушек. Нами был записан целый ряд рассказов о взаимоотношениях людей и этих существ [7]. Интересно, что между ними нередко заключались браки. В среде тубаларов есть люди, даже считающие себя потомками «алвун/албан» и человека. В частности, к таковым себя относят некоторые представители подразделения тонжарак рода кузен. Таким образом, стремление придать человеческие черты миру духов явилось шагом к установлению непротиворечивых отношений в системе «человек-природа». Сохраняются также другие элементы традиционной экологической культуры. В частности, на Алтае местами сохраняются поклонение и почитание священных источников, различные благопожелания (*алгыш*) Алтаю и его природным объектам. Среди охотников сохраняются древние элементы этикета как по отношению поведения в тайге, так и в обрядовой сфере. Пожалуй, более полно они сохранились у хакасов. В качестве примера можно привести слова одного из наших информантов: «*Таг ээзи* – это наше божество. Почему? Да потому, что на горах растут деревья, там есть ягоды, там же пасется скот. На горах мы заготавливаем дрова, которые согревают наше жилище. На горах всегда хоронили умерших. Поэтому мы должны поклоняться горам, всегда к ним обращаться» [6]. Записано со слов Боргоякова Николая Терентьевича, 1931 г.р., сеок Хобый, село Аскиз, 10.10.2001.

Общеизвестно, что в таежной культуре охота сопровождалась системой запретов и особых предписаний, регулировавших поведение охотника. В прошлом знания «таежных» норм передавались из поколения в поколение, и звероловы относились к ним как к незыблемым и священным. Члены охотничьей артели накануне отъезда устраивали своеобразные церемонии, приглашали в гости, где угощали друг друга горячительными напитками. В это время нельзя было проявлять негативные эмоции, ссориться. Охотники психологически настраивались на будущий промысел. В ночь перед отъездом на промысел старший охотник обращал внимание на увиденный сон. Если снилось что-то неприятное, то отъезд откладывался до следующего дня, так как полагали, что такой сон предвещает неудачу [8, с. 22].

Одним из важнейших установлений перед охотой было соблюдение определенных моральных норм, под которыми подразумевалось и половое воздержание. Данные воззрения, как уже отмечалось, основывались на убеждении, что тайга – сакрализованное простран-

ство, связанное с местообитанием различных божеств, главнейший из которых – *таг*, или *тайгы ээзи*. Высшие существа, как полагали верующие, не терпят «нечистоты» человеческого мира. К категории «нечистых» по архаичным представлениям относились женщины фертильного возраста и девушки, достигшие половой зрелости, в силу их физиологических особенностей. Половые контакты перед промысловой деятельностью в традиционном сознании осмысливались как некое осквернение. Тем не менее в данных правилах были и некоторые исключения. «Накануне дня выезда на охоту не разрешалось иметь половое сношение с женой или с какой-нибудь другой женщиной. Если какой-нибудь охотник нарушит этот обычай, накануне выезда на охоту в тайгу, то такой охотник оскорблял или загрязнял честь и чистоту тайги, так как они сильно оберегались хозяином горы. Хозяин горы будто не любил такого охотника, не наделял его счастьем и охотник всегда на этой охоте имел неудачи. В отдельных случаях по пути следования в тайгу неженатому или вообще молодому охотнику разрешалось иметь половое сношение с женщиной или девушкой. Но если женщина или девушка, которой сделано предложение, откажет в этом, то впоследствии за неудачу в охоте охотники всю вину сваливали на провинившегося. Поэтому охотник, прежде чем сделать предложение женщине, заранее должен знать ее отношение к себе, т.е. ее расположение к нему, только тогда он должен был делать ей предложение» [9, л. 16–17].

В местной охотничьей традиции для обеспечения успеха в промысловой деятельности значимым был способ ухода в лес. Дом и селение необходимо было покинуть быстро и незаметно. Считалось крайне плохой приметой, если охотникам по дороге встречалась женщина, тем более – с пустыми ведрами. В ситуации, когда женщина, не заметив охотников, переходила им дорогу, те обычно возвращались обратно. «По существующему обычаю шорцев и сагайцев говорится, что охотника, идущего на охоту, из дома никто не должен видеть, так как среди народа есть люди с плохими глазами и недобрыми мыслями, что может плохо отразиться на пути и счастье охотника. В предании дальше разъясняется, что если охотника во время ухода его из дома на охоту увидит человек с плохими глазами и недобрыми мыслями, то его ни звери, ни птицы близко не допускают, или вообще никакой зверь ему за день не попадет. Поэтому охотники, которые охотились из дома, на охоту уходили рано утром, как только запоет петух. Никто их не видел и не замечал» [9, л. 21]. Помимо суеверного опасения «сглаза» будущей охоты, эти поверья основывались, как уже сказано, на убеждении, что тайга – иной мир, предполагающий переход охотника в иное состояние, из сферы культуры и приближение к таежному пространству [10, с. 155]. В сознании людей с ярко выраженным мифологическим мироощущением тайга

воспринималась как мир, таящий в себе глубокую опасность и непредсказуемость. Присутствовал риск, что вернуться оттуда не всегда удастся.

Переходя через перевалы или священные горы, охотники устраивали «угощение» хозяевам местностей, гор, рек и т.д. Молились об успешных результатах промысла. Нахождение в тайге, как и сам добывающий промысел, как уже отмечалось, сопровождался системой норм и обрядовыми действиями. Несоблюдение или нарушение их, по мнению охотников, приводило к неудаче, а иногда и к трагическим последствиям. Обязательным было проведение адоративных ритуалов (*илг илрга*, *сеек-сеек*, *пус тутханы*), ставящих целью «испрашивания» у духов-хозяев благоприятных результатов охоты. Как часто говорят хакасы: «*Таг-Суг ээлері пирбезелер – оң полбас*, *Таг-Суг ээлері пирзелер – оң полча*» – «Если хозяева гор и вод не дадут (своего благословления), то удачи не видать, если же они дадут (свое благословление), то будет удача». Прибыв в тайгу на место охоты, перед началом стройки охотничьего шалаша (*одаг*) проводили соответствующие обряды [8, с. 22–24; 11, с. 19–20, 145–156]. При этом необходимо было соблюсти всю ритмичность, последовательность действий и произносимых слов-обращений к духам – хозяевам стихий и природных объектов. «Охотники всегда стремились иметь хорошее расположение к ним хозяев горы и огня. Первую ложку приготовленной горячей пищи, они бросали в огонь и в сторону гор, этим самым, угощая хозяев огня и гор. Далее утром перед уходом на охоту и вечером по возвращении с охоты, когда собирались пить абыртхы (молочный квас. – *Е.Б., В.Б.*) все равно сначала угощали огонь и горы, сопровождая эту процедуру различными заклинаниями» [9, л. 17].

В современности, таким образом, при утрате многих традиционных представлений сохраняются отдельные экофильные традиции, связанные прежде всего с горами и другими видимыми объектами природы, промысловой этикой и т.д. Они, на наш взгляд, явились одним из важнейших элементов формирования экологического сознания не только коренного тюркоязычного населения юга Сибири, но и представителей других народов указанного региона. Экофильные и природоохранные традиции, истоки которых восходят к адаптационному опыту народов рассматриваемого региона, позволили создать многоотраслевые хозяйственные комплексы, обеспечивавшие на протяжении многих столетий их витальные потребности. Сегодня ситуация на местах существенно изменилась. У многих представителей коренного тюркоязычного населения юга Сибири отсутствуют полноценные знания о традиционной культуре, а также практические навыки в системе жизнеобеспечения, унаследованные от своих предков. Вместе с тем сельское население в модернизированных формах все же продолжает заниматься традиционной хозяйственной деятель-

ностью (скотоводством, охотой и собирательством). Появились новые виды деятельности, которые нередко носят товарный характер, например заготовка дикоросов, в том числе и папоротника-орляка. Поэтому сегодня встала объективная необходимость формирования новых хозяйственных комплексов, а также

создание проектов, которые бы позволили произвести оптимальный синтез традиционных и инновационных элементов в сельской местности. Немаловажное место в этом процессе должны занимать экологическая культура и традиции природопользования местного населения.

Библиографический список

1. Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – №2.
2. Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография. – 1982. – №3.
3. Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. – 1982. – №2.
4. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования : информационно-методический справочник / гл. ред. И.И. Назаров. – Барнаул, 2009.
5. Бельгибаев Е.А., Бурнаков В.А. Проблемы реконструкции традиционного мировоззрения коренного населения таежного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. 2.
6. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2003.
7. Бельгибаев Е.А. Традиционные религиозно-мифологические представления северных алтайцев об окружающем мире // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения : сборник музея археологии и этнографии им. В.М. Флоринского. – Вып. 1. – Томск, 2005.
8. Патачаков К.М. Некоторые сведения об охоте хакасов. – Абакан, 2006.
9. Архив Музея археологии и этнографии («Кунсткамера»). – Ф. 5. – Оп. 6. – Д. 17.
10. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988.
11. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск, 2006.